

ПЁТР СТАНЕВ

[КРЕПОСТЬ
РУЩУК]

•
Репетиция разгрома
Наполеона

Пётр Станев

**Крепость Руцук. Репетиция
разгрома Наполеона**

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

Станев П. В.

Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона / П. В. Станев —
«У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-930-5

Крепость Руцук – малоизвестный эпизод отечественной истории, но именно в нём наиболее ярко проявился стратегический гений Кутузова. Здесь он впервые опробовал ставшие впоследствии спасительными тактики отступления и выжидания и в итоге разгромил турецкую армию с минимальными потерями для своих солдат. Благодаря этой победе за месяц до вторжения Наполеона в Россию, 16 мая 1812 года, в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор. Пётр Станев воссоздаёт этот эпизод с точностью историка, не забывая про средства художественной выразительности. Герои прошлого предстают живыми людьми, со своими мыслями и чувствами. Книга будет интересна широкому кругу читателей, особенно молодому.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

ISBN 978-5-00095-930-5

© Станев П. В., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Плох тот генерал, что не бережёт солдата	5
От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пётр Станев

Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона

Плох тот генерал, что не бережёт солдата

Пётр Станев написал увлекательнейшую историческую прозу. Когда читаешь такой текст, невольно снимаешь шляпу перед его автором. Ведь задача совместить художественность и историческую правду ох как не проста. Часто встречаешься с выверенной, почти идеальной исторической фактурой и полным неумением автора интересно её изложить, а случается и наоборот: историческая проза чудо как увлекательна, но потом выясняется, что достоверности в ней кот наплакал. Станев счастливо избежал и той, и другой крайности, подарив читателю книгу, где факты рассмотрены в лупу, но при этом исторические личности выписаны так живо, что кажется, будто сам с ними был знаком и теперь вместе с автором вспоминаешь об этом знакомстве. В центре повествования фигура легендарного русского полководца Михаила Кутузова; из его биографии выбран один момент, связанный событиями вокруг крепости Руцук. Книга так и названа «Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона».

Исторические деяния Кутузова всем нам знакомы с детства. Герой Бородина, победитель Наполеона. Но так ли много мы о нём знаем? Не мешают ли нам схематичные сведения осознать весь масштаб и всю сложность этой фигуры?

Пытливый Пётр Станев считает, что Кутузов для нас до сих пор остаётся человеком загадочным. Во многом благодаря неординарности своей личности, вызывавшей у современников желание оставить не совсем объективные свидетельства. Вот как он сам пишет об этом в авторском предисловии: *«Но странное дело: все публикации на эту тему разнились и по форме изложения, и по содержанию, и по значимости участия в этих военных действиях Кутузова. Мало того, в этих, уже глубоко исторических публикациях, оказалось неожиданно много негативных изложений. В итоге изучения боевых действий на Дунае возникало много вопросов, на которые нет ответов, только намёки».*

Станеву удаётся показать великого сына России во всех ракурсах. С первых страниц перед нами не только опытный стратег, но и живой человек. Природа за окнами его кареты, несмотря на весь драматизм военного момента, когда, казалось бы, ни о чём другом нельзя думать, вызывает у него искреннее восхищение и сочувствие.

«Михаил Илларионович, опираясь на крепкую руку молодого капитана, медленно сошёл на сырую, только что вытаявшую из-под снега землю.

– Смотрите же, какое чудо, ещё снег не сошёл, а на проплешинах уже цветы растут».

Настоящий исторический контекст прозе Станева придаёт то, что она не линейна. Да, события развиваются по всем фабульным законам, но в целом пространство значительно шире. Кутузов вспоминает о своей прошлой жизни, полной занимательнейшей фактологии, битв, интриг и воли, а его приезд в Молдавскую армию, с которого начинается повесть, окутан маревом предыстории, где царствует интрига, где люди охвачены чувствами далеко не великими, и ставят выше всего интересы России, а не свои мелкотравчатые выгоды.

Автор раскрывает причины того, почему назначению Кутузова не очень были рады прежний командующий Ланжерон и его свита. Они приноровились делать деньги на этой вечной войне с турками, не стремясь ни к каким военным достижениям.

Станев прекрасно владеет всеми необходимыми писательскими качествами для построения детективной прозы. Конечно, эта повесть не детектив, но напряжение острого сюжета порой вырастает до предельного. Чего стоит сцена с обнаружением турецких лазутчиков...

Любопытно наблюдать по мере прочтения, как автор, исследуя исторические события по сохранившимся документам, пытается реконструировать образ мыслей Кутузова, проникнуть в причины тех или иных его решений, которые, на первый взгляд, выглядят неочевидными и странными, но впоследствии выдают военный гений Михаила Илларионовича.

Вся описанная в книге эпопея сводится к одному очень серьёзному выводу: не тот полководец выдающийся, кто достиг победы, забросав противника трупами собственных солдат, а тот, кто путём манёвров сохраняет армию целой и боеспособной и добивается от противника договоров и пактов, выгодных стране в долгой её перспективе. Во время службы Кутузова в Молдавской, чуть позже переименованной в Дунайскую, армии, все понимали, что войска Наполеона вот-вот вторгнутся в Россию и изнурительную противостояние с турками у южных границ может быть абсолютно губительным. Выполняя стратегическую задачу командования, идя на все возможные дипломатические ухищрения, Кутузов добился от султана мирного договора. Кто знает, чем бы кончилась Отечественная война 1812 года, если бы пришлось держать для противостояния с турками крупные резервы. *«В Бухаресте, к огромному неудовольствию и глубокому разочарованию Наполеона, был подписан мирный договор с Турцией. Сохранив армию, Кутузов одержал удивительную, загадочную победу. В результате Россия получила Бессарабию, с границей по реке Прут. Ряд областей в Закавказье, автономию Сербии. Сохранившую Молдавскую армию переправили в Смоленск. Но Петербург опять сыграл с ним злую шутку. Победу Кутузова в итоге принизили, очернили. Оставшись не у дел, Михаил Илларионович уехал в имение. Сильно переживал. И только под давлением здравомыслящей общественности, на фоне сложившейся критической ситуацией на фронте боевых действий в Отечественной войне 1812 года, гений Кутузова был снова востребован».*

Конечно, эта книга Петра Станева будет любопытна тем, кто изучает этот исторический период или просто любит русскую историю, но, уверен, она явится поучительной и для тех, кто излишне героизирует полководцев, ради достижения цели не жалевших своих солдат. Важнее всего человеческая жизнь. И Кутузов это понимал как никто. И то, что его действия послужили тому, что такая народность, как гагаузы, получила мировое признание, яркое подтверждает приведённый выше тезис. Ведь они поселились на отвоёванной Кутузовым земле.

*Максим Замиев,
главный редактор «Литературной газеты»,
член Русского Пен-центра,
член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека*

От автора

Работая над своими предыдущими произведениями, в которых я пытался отразить моё видение некоторых исторических событий, я неоднократно наткнулся на публикации о действиях Русской армии в районе среднего Дуная. В них отмечались некоторые военные события, которые произошли под руководством Михаила Илларионовича Кутузова. Материалы я собирал из разных источников: статей известных историографов, воспоминаний современников того времени.

Но странное дело: все публикации на эту тему разнились и по форме изложения, и по содержанию, и по значимости участия в этих военных действиях Кутузова. Более того, в этих уже глубоко исторических публикациях оказалось неожиданно много негативных изложений. В итоге изучения боевых действий на Дунае возникало много вопросов, на которые нет ответов, только намёки.

В архивах имеется много документов, но информация, содержащаяся в них, противоречивая. Одни и те же события освещались совершенно по-разному. Много донесений, в которых действия Кутузова освещаются крайне негативно. Писались они, скорее, недругами, завистниками. Некоторые рапорты принимались к сведению. Но многие отвергались сразу и во внимание не принимались. Я долго обдумывал. Подходил с разных сторон.

В мировой истории я пока не нашёл аналогов кутузовского мышления, его гения. У великого полководца фельдмаршала Суворова и флотоводца адмирала Ушакова было шестое чувство, они могли чувствовать противника. Читать его мысли. Ну и конечно, это присутствовало у некоторых современных военных стратегов – Михаила Фрунзе, Константина Жукова, например. Но это были талантливые ученики. Думаю, что Иосиф Сталин учился воевать у Жукова. Вернее, это Георгий Жуков научил жёсткого правителя думать и видеть по-другому. Но всему виной был гений Кутузов. У Михаила Илларионовича тоже было нечто подобное в отношениях с императором Александром I. Генералиссимуса Александра Суворова, адмирала Ушакова, генерал-фельдмаршала Михаила Кутузова и маршала Георгия Жукова правители ревниво пытались принизить. Удаляли от себя – кого прозябать в имении, кого на службу в дальний гарнизон после того, как эти полководцы, проявив свой гений, верно служа Родине, исполнили свой долг до конца.

Но память народную никуда не денешь, не удалишь. Она сильнее.

В результате я попытался самостоятельно изложить своё видение гения Кутузова и отдать ему честь по всей форме.

В работе по созданию этой книги мне помогали разные люди. Они своим участием оказали мне серьёзную помощь. Особую благодарность хочу выразить моему учителю и вдохновителю, поэту, автору-исполнителю, писателю, члену Союза писателей России Виталию Лиходеду, моему консультанту доктору исторических наук, этнографу, преподавателю университета Петру Пашалы. Я также выражаю сердечную благодарность моим постоянным помощникам из московской типографии «Август Борг» в лице руководителя Андрея Зарецкого, сотрудника типографии Светланы Павловой.

Что у нас получилось – судить вам, уважаемые читатели.

Пётр Станев

Глава 1

Весеннее мартовское солнце с каждой преодоленной сотней вёрст пригревало всё душевней.

После промозглых, сырых погод, пустых баталий и интриг при штабе союзных сил, мучительных переходов по грязным дорогам центральной Европы тёплое весеннее солнышко Бессарабии действовало благотворно на самочувствие уставшего генерала и особенно на его больные суставы.

Михаил Илларионович откинул занавеску, глянул в забрызганное грязью окошко кареты. Вдали виднелся пологий, левый, уже полностью бесснежный берег Днестра. Сама река ещё была покрыта взбухшим рыхлым серым льдом.

«Видимо, на днях вскроется, – подумал Кутузов, – вот только резвее потекут ручьи с вершин старых Карпат – и льду седого Днестра не устоять». Он опять откинулся на спинку мягкого дивана. Рыдван-карега, замечательно сработанная искусными руками австрийских мастеров, удобна для дальних поездок. На мягких рессорах, с раскладным кожаным диваном; высокие и набитые конским волосом борта могли защитить от пули. Для подогрева салона имелась даже встроенная печь. Генерал уселся поудобней, прикрыл ноги шерстяным пледом, погрузился в долгие размышления и воспоминания.

В очередной раз военная судьба забрасывает его к этим беспокойным в это весеннее время берегам. И каждый раз здесь его ждали суровые испытания. Сначала под командованием Румянцева в чине капитана участвовал в разгроме превосходящих сил турок под Вулканештами, у мелкой болотистой речки Кагул. Потом, став случайным фигурантом интриг капитана Анжели (как оказалось впоследствии – французского шпиона), был направлен в Крым, где при штурме Алушты получил смертельное ранение в голову. Чудом выжил. Позже, во время штурма крепости Очаков, получил второе, точно такое же ранение, долго лечился, потерял зрение на один глаз, но неожиданно для всех вернулся на службу. Был направлен на Днестр, где участвовал в штурме крепости Бендеры. Но там всё обошлось сравнительно бескровно. Решительность, опыт, знание дела, профессионализм были достойно отмечены светлейшим князем. Потом он вместе с бугскими егерями по Его Высочайшей рекомендации был направлен к Суворову под мрачные стены Измаила.

Судьба потрепала его тогда сверх меры, кровавые стены крепости Измаил привили ему на все оставшиеся годы жизни устойчивое чувство ненависти ко всем крепостям. Смертельно опасный героический штурм под руководством великого Суворова стал для него великим уроком. С тех самых пор, почувствовав омерзительный холод смерти, свою беспомощность перед нею, он всегда старался избегать тяжёлых кровопролитных баталий. Это героическое и в то же время трагическое действие происходило немного в стороне от Днестра, но всё равно это были южные, засушливые степи Бессарабии.

Через два года после взятия Измаила его назначили послом в Константинополь, где произошёл расцвет его дипломатических талантов.

Получив в 1792 году приказ Её Величества о назначении его послом в Великую Порту с предоставлением ему широких полномочий, начал усиленную подготовку к своей будущей деятельности. Он задолго до этого, следуя совету Суворова, стал изучать турецкий и персидский языки. Занимался живыми переводами документов, привлекал для этого письмоводителя двора – последнего крымского хана.

По заданию светлейшего князя Потёмкина, мимо внимания которого не прошло увлечение генерал-майора, на тот момент комендант Измаила организовал наблюдение за тылами турок в придунайских степях. Им отменно была поставлена агентурная разведывательная деятельность. В его ведомстве даже применялись голуби, обученные для доставки почты. В резуль-

тате им было успешно отражено несколько серьёзных ответных попыток штурма крепости турками.

Незадолго до своей кончины Потёмкин в своём письме протезировал Екатерине II Михаила Голенищева-Кутузова. Рекомендовал использовать незаурядные способности молодого генерала на дипломатической службе в Константинополе.

И вот, двигаясь по этим же дорогам, он не спешил тогда так, как сейчас. После обмена посольских миссий в Дубоссарах недельная дорога от Днестра до Константинополя была преодолена за три месяца. За это время силами молодых офицеров российской миссии в Турции была собрана для него вся возможная информация о нравах и интригах султанского двора, о влиятельных вельможах, любимых жёнах султана Селима III, других лицах, имеющих влияние на правителя, их привычках, слабостях. При случае они могли бы донести до султана нужную информацию.

До получения интересующих его сведений он не принимал никаких решительных действий по ускорению продвижения по трясучим дорогам Бессарабии. И, только посчитав себя достаточно информационно вооружённым, он въехал в Константинополь, приложив всю свою хитрость, блестящую образованность, полученный им бесценный жизненный опыт в кровавых боях и придворных интригах, в которых он преуспел не меньше. Угождая прихотям великих, терпя ехидные усмешки других иностранных послов в кулуарах султанского двора, Кутузов одержал ряд серьёзных дворцовых побед. Без единого выстрела, без огромных затрат на содержание и перемещение войск. Путём лёгкого подкупа, ненавязчивого вручения изысканных даров нужным чинам и влиятельным дамам из гарема: в частности, с помощью Валиде-султан Михришах – матери султана – он склонил Селима III воздержаться от участия турецких войск в европейских баталиях на стороне наполеоновской Франции. Упрочил мирные отношения Турции и России в Причерноморье. Смягчил условия передвижения купеческих судов и русских военных кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы. Его трудами были заложены основы в мирный договор 1799 года.

Неожиданно карета резко накренилась вправо. Кутузов отвлёкся от воспоминаний, недовольно заглянул за занавеску. Колёса кареты увязли в глубокой жиже растаявшей дороги. Вокруг заматались офицеры, принуждая эскорт сопровождения к энергичным действиям по немедленному продолжению движения кавалькады командующего.

Остановившиеся посреди огромной лужи лошади под ударами кнута кучера и казацких нагаек в беспорядке заполошились, безуспешно упирались копытами усталых ног в вязкую глину, расплёскивали вокруг грязную жижу.

– Охолони малость! Что, проспал? Не мучай коней, коли сам виноватый. Леший тебя возьми. Лютуешь теперь? – прикрикнул строго на возницу пожилой, но ещё крепкий собой казачий унтер.

Ловко вскочив ногами на седло, оттолкнувшись, стремительно перелетел коршуном на спину запряжённого в упряжку коренным коня.

– Но-о! Давай, родимый, давай, вперёд! – ободряя уставшую животину, кричал казак, вонзая шпоры в бока ошалелого коня.

Тот встрепенулся. Ища твёрдый грунт, стал торопливо перебирать ногами и, зацепив копытом твёрдую кочку, медленно сдвинул карету с места. Другие лошади в упряжке усердно помогали ему.

Так под гиканье казаков, под их подбадривающие возгласы карета медленно вылезла из лужи.

– Братец! – обратился Кутузов к адъютанту. – Что-то ноги затекли, мне бы прогуляться чуток.

Адъютант, молодой майор из штабных, по природе своей сухой и молчаливый, своё дело знал и исполнял его отменно, приоткрыл дверь, подал знак конному офицеру. Тот мигом спе-

шился, подбежал к карете, откинул ступени. Стал рядом, вытянулся во фронт, отдал честь Кутузову.

Михаил Илларионович, опираясь на крепкую руку молодого капитана, медленно сошёл на сырую, только что вытаявшую из-под снега землю.

– Смотрите же, какое чудо, ещё снег не сошёл, а на проплешинах уже цветы растут, – восторженно проговорил генерал, разминая затёкшие от долгого сидения ноги.

Михаил Илларионович достал платок, обмакнул выступившую слезу. Случайный человек мог бы удивиться такой сентиментальности пожилого генерала. На самом деле двойное тяжелейшее ранение практически в одно и то же место головы напоминало о себе.

Принесли походный стул, раскладной стол, умывальник, другие принадлежности. Пока все приводили себя в порядок – поспел самовар. Раннее весеннее солнце ласково пригревало, даже немного расслабляло.

Поев холодной телятины, швейцарского сыру, откушав чаю с баварским печеньем, Кутузов прогулялся к высокому берегу Днестра. Полюбовался сверху открывшимися дивными далями. Медленно ступая, возвратился, дал команду майору двигаться далее. Дела ныне не давали времени на передышку. Его ждала армия.

Волей государя Александра I, по его приказу, Кутузову было предписано срочно прибыть в штаб-квартиру в Бухаресте и вступить в командование Молдавской армией.

В секретной депеше ему ставилась задача активизировать боевые действия против значительных сил турецкой армии, но при этом быть осторожным, не провоцировать турок, избегать прямых сражений, дабы избежать больших людских и имущественных потерь. Необходимо было сохранить армию для использования её в предстоящих боевых действиях с Наполеоном.

В ряде крепостей по берегам Дуная находились русские гарнизоны, которые держали под контролем не только сами крепости, но и прилегающие окрестности. Главной же задачей ставилось склонить османскую Порту¹ к переговорам и любыми способами в итоге принудить турок заключить мир. Дабы, в случае вступления Наполеона на российскую землю, а сомнений о предстоящей войне с Францией уже не было, турецкая армия не смогла бы оттянуть на себя часть русских сил.

Через некоторое время кавалькада командующего, растянувшись на добрую версту, продолжила движение. Михаил Илларионович, прикрыв глаза, снова погрузился в воспоминания и размышления.

До этого Молдавской армией² командовал прославленный генерал от инфантерии Николай Каменский, но в связи с его болезнью и последующей смертью армию временно принял генерал-лейтенант Александр Фёдорович Ланжерон (Александр-Луи Андре де Ланжерон де Сесси). По происхождению француз, убеждённый монархист, он не принял революцию, не стал присягать новой власти, попросился вместе со своим другом, герцогом де Ришелье, на службу в Русскую армию. Александр I, недолго думая, дал своё высочайшее согласие.

Образованные офицеры, понимающие дворцовый французский политес и одновременно разбирающиеся в иерархии военного ведомства Бонапарта, были очень кстати. Но после неудачного сражения под Аустерлицем недовольный исходом дел русский государь был суров, считал виноватыми в поражении всех, вымещал своё неудовольствие на офицерах, которые попадались под руку.

Не миновала царская кара и французских друзей: вместе с герцогом де Ланжерон был назначен служить в далёкую, неустроенную, пустынную Одессу. Знал бы государь, какую доб-

¹ Государство (*Порта*), созданное в 1299 году под предводительством удж-бея Османа I Гази. Просуществовало под управлением османской династии до начала XX века.

² Молдавская армия в связи с отправкой значительной части войск на западную границу далее будет переименована в Дунайскую армию.

рую службу он сослужил друзьям и России. Неожиданно они проявили незаурядные способности по руководству строительством и развитию этого молодого города.

До этого в создании города, от штурма турецкой крепости Хаджибей до строительства первых строений (каменных казарм, административных зданий и оборонительных сооружений), принимали активное участие неаполитанец де Рибас и его друг из далёких Нидерландов – де Волан. Все вместе они внесли огромный вклад в строительство и развитие этого славного в истории России города.

Особенно отличился герцог Эммануил Осипович де Ришелье, будущий первый генерал-губернатор Одессы, настоящее и полное его имя Арман-Жан де Виньеро дю Плесси де Ришелье, его дед был маршалом Франции, а отец – генералом Франции. Его дядя кардинал Арман-Жан дю Плесси де Ришелье был знаменитым министром короля Людовика XIII.

Под руководством Эммануила де Ришелье унылый, грязный, бесформенный городишко расцвёл по-настоящему. Был создан торговый порт. Отстроены великолепные здания, вдоль улиц высажены деревья, в молодом городе появились парки, построены католическая и православная церкви, созданы театр, учебные заведения, а позже, с приложением большого труда, упорства и мудрости, появился университет. Все дороги замостили гранитным булыжником.

Под его руководством Одесса стала самодостаточным, а далее – прибыльным городом с внушительным бюджетом.

Этого незаурядного административного, политического, военного деятеля ждали впереди великие дела, не говоря о том, что он впоследствии будет удостоен должности премьер-министра Франции. Но всю жизнь он мечтал вернуться в Южную Пальмиру России, цветущий город Одессу.

А пока кавалькада главнокомандующего Дунайской армией спешила в Бухарест, где его ждали в штаб-квартире генерал-лейтенант де Ланжерон и его друг, соратник герцог де Ришелье. Нельзя сказать, что Александр Фёдорович принял это известие с восторгом, в душе тайно надеялся на назначение главнокомандующим своей персоны и приложил для этого немало усилий. Но не сложилось, и в душе графа затаились на долгие годы ревность и неприязнь.

Глава 2

Преодолев тысячу вёрст, конвой Кутузова отклонился западней от Днестра и через двое суток вышел в Буджакскую холмистую степь. Следуя рекомендациям разведки, взяли направление к Вулканештам, надеясь переправиться в этом населённом пункте через болотистую, особенно в это время года, речку Кагул.

Слушая доклад усталого секунд-майора Каменского об итогах разведанной стратегической обстановки и особенностях в зоне прохождения их дальнейшего маршрута, Михаил Илларионович, пряча невольную усмешку, достал платок, стал якобы промокать набежавшую слезу из незрячего глаза.

«Откуда знать этому майору, что более тридцати лет назад я, генерал от инфантерии, тогда пребывая примерно в возрасте этого майора, участвовал в великой победной битве с турецкой армией под руководством прославленного Румянцева», – усмехнувшись, думал Кутузов, но никак свою усмешку командиру разведки не показал.

«Кстати, именно здесь я получил своё заслуженное звание секунд-майора, здесь же попал в немилость к будущему фельдмаршалу за неосторожно высказанную фразу в адрес Румянцева», – вспомнил свою старую обиду Михаил Илларионович. Его сослуживец и заместитель, капитан Анжели, преподнёс тогда главнокомандующему их спор, подло извратив саму суть.

Генерал, находясь под впечатлением от этих воспоминаний, тяжело вздохнул, сел поудобней, отхлебнул остывшего чая. Но через пару минут, прикрыв больной глаз повязкой, он снова погрузился в воспоминания. В скором времени его командировали в Крым. Таким образом Румянцев расправился с молодым Голенищевым-Кутузовым за его острый и неосторожный язык, впрочем, своё решение о присвоении звания секунд-майора оставил в силе. Таким образом он задал урок на будущее молодому капитану. И отец, несмотря на великое уважение к себе Румянцева, не смог помочь сыну.

А вот с Анжели Кутузову встретиться пришлось – и не раз. Он оказался не просто подлец. Не без помощи Суворова под Очаковом он был изобличён в предательстве и шпионаже. За что решением императрицы был выслан из страны с позором.

Потом их пути перекрестились в Константинополе, где Анжели, являясь представителем французской миссии, не раз встречал в добрые отношения дипломата Кутузова с двором султана. Но искушённый в дворцовых интригах российский посол нашёл возможность обезвредить змеиные поползновения француза. В результате Анжели, спасаясь от возмездия султана, бежал из Порты.

Майор Каменский, закончив доклад, положил перед командующим карту с нанесёнными направлениями дальнейшего продвижения кавалькады. Указал расположения Дунайской армии, предполагаемые зоны, контролируемые турецкими силами. Место переправы через болотистую речку Кагул по данным разведки оставалось вне контроля противника. В это раннее весеннее время болотистое место было труднопроходимым, особенно для обозов.

Кутузов, рассматривая карту, вспомнил о двух молодых местных молодцах, прибывших вместе с великим Суворовым под стены крепости Измаил. Они тогда сыграли важную роль по дезинформации противника, защитников турецкой крепости. Эти молодые юноши сумели вручить туркам фальшивый план штурма крепости и заодно вызволить своих невест из турецкого плена.

– Где теперь эти герои? Как сложилась их судьба? – произнёс вслух негромко генерал.

Как хотелось получить ответ на свои вопросы старому вояке. Так мало было романтических историй в его прошлой жизни, проведённой в суровых военных буднях и долгих месяцах излечения тяжёлых ран. Уж очень хотелось ему, чтобы у этих ребят сложилась удачная счастливая жизнь. Теперь через десяток лет эти юноши должны были стать уже зрелыми муж-

чинами, отцами больших семейств, с кучей детишек. Пашут полученную в награду землю, с помощью грамоты, жалованной им Суворовым. Хотя в этой сложной политической обстановке грамота Суворова могла обернуться для них тяжёлым испытанием.

– Прошу прощения, Ваша светлость! Я не расслышал.

Майор, пытаясь расслышать шёпот генерала, склонился поближе.

Кутузов, очнувшись от воспоминаний, ещё раз глянул на карту. Поразмыслив, оценив ситуацию, задал вопрос Каменскому:

– Скажите, любезнейший, а куда делся старый Траянов вал, он должен быть примерно в этой зоне?

Михаил Илларионович провёл пунктиром линию на карте.

– Он достигает пяти сажень вышины и примерно столько же ширины. Преодоление его войсками с артиллерией и обозами – непростое дело. Этот вал обязательно должен патрулироваться турецкими разъездами.

Кутузов откинулся на спинку походного кресла, глянул испытывающим глазом на майора.

Каменского заданный вопрос не смутил. Он знал на него ответ. Его озадачило то, что Кутузов был осведомлён о местности этого забытого богом, засушливого уголка земли. Где, как казалось, никто из цивилизованных людей не бывал, кроме местных людишек, большей частью переместившихся с Балканских и Родопских гор, Македонских земель северной Греции, спасаясь от свирепых османов. Они занимались в новых местах привычным для них мирным трудом, скотоводством и возделыванием засушливой земли.

– Возведённый в древности римлянами при императоре Траяне вал, состоящий из тяжёлой красной глины, перемешанной с песчаным камнем, действительно существует. Но он значительно повреждён, имеет довольно широкие проходы. Это связано с большим количеством переселявшихся с Балкан людей, которые использовали камень и глину для построек своих жилищ³.

Каменский, ответив, ждал реакции главнокомандующего. Озадаченный словами майора, Кутузов задумался.

Действительно – за тридцать с лишним лет изменения в местности действительно могли быть значительными, вполне возможно, что могли возникнуть новые поселения. Люди не могут терпеть долго лишений, унижения своего достоинства. Турецкое присутствие слишком давило на народы Балкан, Болгарии, Сербии, Месопотамии, Валахии, Трансильвании, Молдавии, Бессарабии.

– То, что древний Траянов вал стали разбирать для строительства мирных жилищ, – это понятно. Хотя жалко это древнее сооружение. Его надо бы сохранить для истории, – произнёс с грустью старый генерал. – По этому валу ещё Суворов на штурм Измаила спешил, не говоря о быстрых перемещениях по нему римских легионов в далёком прошлом.

Несмотря на то, что в этих краях было намного теплее, чем в центральной Европе, спина генерала и руки начали стынуть. Всё-таки ещё ранняя весна стояла, не хватало ему простудиться. Генерал потянулся за шерстяным пледом, которым снабдила его заботливая супруга. Внимательный адъютант вскочил, накрыл пледом широкую генеральскую спину. Дал команду разжечь печь в крестьянской хате и согреть чаю.

– Хорошо, я принимаю ваши рекомендации о нашем дальнейшем направлении, – произнёс устало командующий. – Организуйте переправу и обеспечьте нашу безопасность, господин секунд-майор.

³ Ищи фото в сборнике «Кагул – забытая слава».

Каменский сложил карту, спрятал на груди. Отдав честь генералу, вышел. Через минуту раздался быстро удаляющийся топот копыт коней Каменского и сопровождавших его разведчиков.

Утром, едва забрезжил рассвет, лагерь русского конвоя зашевелился. Кормили, поили лошадей. Разожгли костры, готовили кашу, в общем, готовились к очередному дальнему переходу. Завтрак Кутузову готовили в печи простой крестьянской мазанки, чисто выбеленной внутри и снаружи известью.

Радужные хозяева выставили на стол свою нехитрую снедь: овечью брынзу, соленья, кукурузную мамалыгу, от которой валил горячий пар, жаркое из нежного мяса молодого барашка. Принесли глиняный кувшин домашнего вина. В этой засушливой степи кислое виноградное вино часто употребляли вместо воды. Оно утоляло жажду, придавало сил и являлось хорошим профилактическим средством от болезней. Особенно во время эпидемий холеры.

Это было поселение гагаузов, не так давно обосновавшееся в этих пустынных краях ввиду тяжёлых притеснений со стороны османов. Этот народ говорил на древнем языке турков, почти идентичном языку турок. Люди исповедовали православную веру, и их всячески за это притесняли. За любое неподчинение жестоко расправлялись. Тем не менее этот народ невероятным образом сохранял свою самобытность, язык, культуру. К изумлению офицеров и самих хозяев, генерал легко изъяснялся с хозяевами на их языке. Михаил Илларионович получил первые навыки ещё в Крыму, потом, будучи комендантом Измаила, он по рекомендации светлейшего князя Григория Потёмкина продолжал изучение языка.

Впрочем, денщики заварили свою, более привычную овсяную кашу, сдобрили её густым козьим молоком. Вскипятили воду, приготовили крепкий кофе. Михаил Илларионович умылся, побрился с помощью денщика, переделся в чистую нательную сорочку из белоснежной бязи. Сел за стол.

Не желая обидеть хозяев, попробовал мамалыги, отломив кусочек, обмакнул в покрошенную брынзу, отправил аккуратно в рот. Он по прошлым походам знал эту местную еду. Нельзя сказать, что ему эта пища нравилась, но она была довольно питательной. Ему больше нравилось употреблять её со шкварками, но очень жирная еда ему была тяжеловата, поэтому есть её опасался. Вот в молодые годы он мог её съесть прилично, запивая вином.

Молодая невестка хозяина старалась угодить, прислуживала ему с удовольствием и любопытством. Присутствие такого высокого гостя в их доме было для неё и остальных домочадцев божьей наградой в их однообразной, нелёгкой и глубоко провинциальной жизни. В праздничной юбке до пят, из-под которой весело выглядывали нарядные домотканые цветные тапочки, в тёмной блузке с бархатной синей вставкой на плечах, расшитой на груди узорами с красными розами, переплетёнными жёлтыми ромашками, с пунцовыми от волнения щёчками, в льняном праздничном платке на голове, повязанном по-селянски, сзади, – она радовала глаз отдохнувшего генерала. Тот весело болтал с ней на её языке, от чего она смущалась и отвечала невпопад. Ему очень хотелось прикоснуться к ней, вдохнуть её аромат. Но, не желая обидеть хозяев, сдерживал свои чувства.

Несмотря на своё высокое положение, окружённый огромным количеством людей, готовых исполнить любое его пожелание, он был одиноким, отрешённым от окружающей жизни. Он не был свободен. Вся его жизнь была у всех на виду. Даже редкие, свободные от службы месяцы, проведённые в семейном кругу, становились в итоге мукой для генерала.

Все ждали от него, прежде всего, материального благополучия, почестей и уважения в высшем свете. Его долгое пребывание в имении означало опалу, а значит уменьшение доходов и провинциальную скуку, что вызывало крепкое неудовольствие домочадцев. Попытки Михаила Илларионовича упорядочить дела в хозяйстве, навести порядок, приструнить вороватых управляющих и приказчиков приводили к ещё большим материальным потерям, семейным скандалам.

Так получалось, что на службе и дома он практически всегда находился под надзором императора или семьи. Все ждали от него исполнения своих вожелений. Император – успешных баталий и роста своего авторитета, семья – материального благополучия.

И если вдруг в отдалении от дома у Михаила Илларионовича появлялась женщина, а они просто не могли не появиться в окружении такого высокопоставленного генерала, то семья чувствовала материальные убытки сразу. В расположение штаба срочно выезжали, чаще всего Елизавета, старшая дочь. Наведя порядок, оставив соглядатаев, возвращалась обратно с плотно набитым кожаным саквояжем, а иногда её отъезд сопровождался загруженным с верхом, укрытым плотной рогожей обозом.

С наездами дочери для генерала наступали чёрные дни и тяжёлая меланхолия. С возрастом он уже не мог обходиться без женского участия и ухода. Так уж сложилось – не Суворов. Тот мог проснуться до рассвета, ополоснуться студёной водой, поесть у костра солдатской похлёбки, запросто уснуть на соломе, заботливо укрытым денщиком простой шинелью.

Но хитрый Кутузов нашёл простой выход. Он просил кого-нибудь из доверенных ему офицеров, чаще всего адъютанта, найти ему заботливую служанку, иногда двух, из местных простолюдинок. Это решало все его жизненные проблемы. Он получал женскую заботу, хороший уход, радушие, тёплую постель, небольшие расходы, которые он иногда покрывал за счёт припасённых трофеев.

Грузный генерал уже не был большим героем в постели. Но в объятиях случайной жаркой паненки или развращённой придворным флиртом немки ещё мог соблюсти приличия.

Другое дело – простолюдинки. Заботливые, чистые, смешливые, ласковые, не требовательные: они всё понимали. Поначалу стеснялись, но, пообвыкнув, своё дело исполняли нежно и страстно. Зайдя якобы погасить свечи, тихо и быстро раздевались, юркали к генералу под одеяло с головой. Согрев старого воина, делали своё нежное дело, убаюкав, исчезали из постели, если удовлетворённый ласками господин вдруг не удержит при себе до утра.

Домой, как правило, они возвращались богато одарёнными, сидя гордо на гружённой фуражом и мануфактурой телеге с впряжённым добротным конём, прижимая к полной груди домотканую, шерстяную, расшитую незатейливым узором, тяжёлую от подарков и денег сумку. Особо талантливым служанкам к телеге привязывали корову.

Утром генерал чувствовал прилив сил. Слушая за завтраком доклады дежурных офицеров, он воспринимал действительность по-иному, чем прошедшим вечером. Решения им принимались легко, да и, как правило, были неординарными, смелыми. Офицеры при штабе изумлялись его приказам, дивясь их простоте и гениальности.

Впрочем, его чудачества рождали неприязнь у его противников и завистников. Ухмылки и непристойности были в ходу среди недругов. Но старый дипломат чувствовал интриги на расстоянии. Сам был приличным интриганом. А что делать, таковы нравы высшего общества. Он проявлял холодную сдержанность до поры. И не дай бог какому-либо недоброжелателю опростоволоситься, особенно в бою!

Михаил Илларионович, глянув оценивающе на молодуху, сожалеюще вздохнул, допил кофе, встал, поклонился хозяевам, обращаясь к адъютанту, попросил по-отечески:

– Братец, расплатись с хозяином и дай команду трубить в поход.

Кутузов медленно двинулся к выходу из горницы. Будто вспомнив, приказал:

– Выдать дополнительно хозяину мешок муки, фунт сахару.

Ещё раз взглянув на молодую хозяйку, поманил к себе, достал из кармана нитку красных бус, надел на белокожую шею крестьянки, с взбухшими от волнения синими тонкими венками. Милые щёчки запунцевели под цвет бусам.

Приведя себя в порядок, одев с помощью денщика походный мундир, накинув тёплый плащ, вышел на крыльцо мазанки.

Конвой был полностью готов к движению. Кутузов медленно сошёл с крыльца, вдохнул полной грудью свежего воздуха, прошёл к карете.

Адъютант раскрыл дверь, помог генералу взойти по откинутым ступеням внутрь. Укрыл ноги пледом. Взял у денщика корзину с приготовленной снедью, уложил в сундучок, вошёл следом, уселся напротив командующего. Дал команду к движению.

Кавалькада тронулась в дальнейший непростой путь.

Глава 3

Преодолев Траянов вал, колонна остановилась. В нескольких вёрстах находилось место славной битвы войск Румянцева с турками.

К карете главнокомандующего прискакал Каменский в сопровождении усталых, но бодро державшихся егерей.

Адъютант раскрыл дверь кареты. Убедился, что свои, убрал взведённые пистолеты. Впустил майора внутрь. Офицер козырнул, отдавая честь генералу.

– Ваша светлость! – обратился майор к главнокомандующему. – Разрешите доложить по результатам разведки и выслушать мои предложения по дальнейшему нашему продвижению.

– Полноте вам, – ответил, оживившись, генерал. – Соскучился, понимаете ли, по простому человеческому общению. Присаживайтесь, говорите, пожалуйста, я внимательно слушаю.

Каменский откинул полу плаща, присел. Спокойным тихим голосом стал докладывать.

– Во время рейда по территории, контролируемой нашим противником, по моему заданию добровольные лазутчики из местного населения проникли в селения, в которых расположились турки.

Каменский устало откинулся на мягкую, обитую добротным синим сукном спинку дивана. Переведя дух, продолжил:

– Из разговора с крестьянами они узнали, что турки знают о маршруте нашего конвоя. Мало того – туркам известно о том, что вы назначены главнокомандующим армией, они готовятся напасть на конвой с целью пленить вас. Они ждут начала нашей переправы через речку Кагул. И ещё – местное население поведало моим лазутчикам, что к туркам периодически приходят люди из расположения русских гарнизонов. Видимо, турки находятся в тесном контакте с кем-то из Молдавской армии и что-то замышляют.

Майор достал платок с искусно вышитым в углу вензелем, приложил к лицу, вдохнул еле чувствовавшийся аромат душистого французского масла. Устало вытер уголки губ, протёр вспотевший высокий благородный лоб, прикрыл глаза...

Почувствовав лёгкое прикосновение, он открыл глаза. Это денщик легко тронул пальцами его плечо. В руках он держал чашку с горячим кофе.

– Откушайте кофею, господин майор.

Он поставил чашку с горьким турецким напитком на заботливо придвинутый к Каменскому походный столик.

– Где командующий? – заволновался майор. – Я что, уснул? Надо же, как нехорошо. Перед командующим уснул, – расстроился офицер.

– Полноте вам, – денщик придвинул чашку к майору, – он всё понимает и очень уважает вас. Выпейте кофею, он хорошо взбадривает. Михаил Илларионович приказал напоить вас этим напитком, когда вы проснётесь. И ещё обязательно покормить. Есть холодная телятина, отварная курица. Что будете?

Не дожидаясь ответа, он достал из плетёного ящика белую салфетку, стал выкладывать нарезанный козий сыр, мясо, разломал на части холодную отварную курицу. Налил из откупоренной бутылки красного вина. Напоследок отрезал большой ломоть крестьянского белого хлеба.

– Командующий сейчас на военном совете, – тихо проговорил адъютант. – Велел, как покушаете, присоединиться к ним.

– А как долго я спал? – забеспокоился офицер. – Надо идти на совет.

– Нет, нет. Приказано не отпускать, пока плотно не поедите, – запротестовал денщик.

Каменский сопротивляться не стал, тем более что он действительно был голоден. После короткого сна, ободряющего кофе, сытной еды, доброго фужера вина он почувствовал новый прилив сил.

От души поблагодарив денщика, он вышел из уютной кареты. Глотнув прохладного свежего ночного воздуха, направился к светящимся тусклым светом окошкам, к сельской хате.

Козырнув вытянувшимся во фронт постовому, он, дабы не задеть низкую притолоку, снял треуголку, пригнувшись, вошёл внутрь. Постучав, зашёл в горницу.

За большим деревянным столом сидели старшие офицеры. Майор отдал присутствующим честь, хотел доложить о прибытии по форме, но сидевший во главе собрания Кутузов пригласил его к столу с разложенной картой.

– Пока вы отдыхали после исполнения трудных, но очень важных для нас поручений, я ввёл присутствующих в курс дела. Посовещавшись, мы пришли к мнению, что наше дальнейшее беззаботное прямолинейное продвижение к Бухаресту без принятия мер предосторожности будет легкомысленным с нашей стороны. В результате совещания мы решили принять следующие меры. Подойдите ближе, – пригласил Каменского к карте командующий.

Присутствующие опять склонились над столом, стали сосредоточенно следить за указкой генерала.

Закончив излагать план действий, Кутузов отпустил присутствующих, приказал всем отдыхать до особого распоряжения. Задержал только секунд-майора.

– Я должен вас предупредить, – командующий достал носовой платок, промокнул выступившую из большого глаза слезу, – при существующем командовании Молдавской армией не все довольны моим назначением. Им было комфортно находиться в отдалении от Петербурга. После смерти генерала Каменского стали вести довольно вольготную жизнь, им удавалось неплохо зарабатывать на этой войне. Получая неплохие деньги на содержание армии, практически не беспокоили турок. Военные действия, небольшие стычки совершались, как мне кажется, по договорённости, не считая некоторых недоразумений, которые иногда случались. Это было удобно Ахмету-паше и Ланжерону.

Кутузов встал, подошёл к майору, посеревшему лицом, продолжил:

– Мы ещё разберёмся, от чего болел и почему умер ваш дядюшка. Будьте бдительным. Возможно, вам встретится человек, скорее всего, европеец, может, француз, скорей всего, не один. Их надо приветить, обласкать, но глаз с них не спускать. По возможности привести сюда. Им нужен я, поэтому будут вести себя мирно, доброжелательно. Помните, они хитры, обучены искусству перевоплощения, подлым приёмам фехтования как шпагой, так и кинжалом, владением тайными приёмами борьбы, освобождением от пут, нанесением смертельных ударов, отменно стреляют, поэтому очень опасны.

Командующий по-отечески положил руки на плечи майора, слегка сжал их. Выдержав многозначительную короткую паузу, тихо проговорил:

– Я верю в тебя, мой друг. Прошу, будь осторожен сам и береги своих людей.

Каменский отдал честь командующему, ловко развернулся, лихо звякнув шпорами, вышел. Слегка взволнованный услышанным, надел треуголку, укутавшись в плащ, отправился в расположение своего отряда. Увидев приближающегося командира, сидевшие вокруг костра казаки почтительно встали. Он, махнув им рукой, попросил не беспокоиться, пригласил всех сесть. Пожилой казак заботливо придвинул офицеру деревянную чурку, укрытую сложенной вчетверо попоной. Подал кружку с горячим, настоящим на травах чаем. Майор попытался отказаться, но казак упрямо протягивал напиток командиру.

– Выпейте, господин майор. Успокаивает, силу даёт, хворь отгоняет. Не обижайте. Вареву, может, и грубое, но вам поможет. Уснёте крепко. Нам с вами сила нужна. Вижу, генерал шибко вас озадачил.

Казак достал трубку, пошурудил в костре хворостиной. Выкатив из огня уголёк, взял его пальцами, положил осторожно в трубку, раскурил её. В заключение всей процедуры отряхнул руки от сажи. На пальцах не было никаких следов ожога.

Каменский слышал о разных казацких чудесах, о которых рассказывали с восхищением молодые офицеры, но в натуре такой фокус видел впервые. Это его сильно позабавило, отвлекло от дум о предстоящих опасных делах. Но от восторгов и расспросов воздержался. Хотя самообладание и сила воли бывалого казака его поразили.

Зато молодые казаки эмоций не сдерживали – восторженно забалагурили. Один из казачков с напускным хладнокровием тоже взял хворостину, выкатил уголёк и попытался взять его пальцами. Его пальцы предательски стали подрагивать, но он, проявляя недюжинное мужество, поднял его. В пальцах уголёк зашкворчал. Громко ойкнув, он перебросил уголёк в ладонь, потом, словно горячую печёную картошку, перебросил в другую руку. Уголёк зашкворчал и в ней, но казачок уголёк не бросил, пытался перебороть боль.

Михаил Илларионович Голенщцев-Кутузов (1745–1813)

Тут старый казак, шлёпнув снизу по тыльной стороне ладони молодого, выбил уголёк из опалённой руки и ловко поймал его на лету. Спокойно бросил его обратно в костёр.

– Не балуй мне, – прикрикнул он, – тебе шашкой работать этой рукой завтра, а ты и повода удержать не сможешь.

Казак взял руку молодца, развернул к себе, осмотрел при свете костра.

– Отойди в сторонку, помочись на ладони, замотай чистой тряпицей. Поможет. До утра затянет.

Увидев недоверчивый взгляд казачка, недовольно, но уже миролюбиво проговорил:

– Иди, иди. Это первое дело при ожогах. Сам не раз так лекарился... Ну! Чего ждёшь? Бего-ом ма-арш! – скомандовал старшой.

Молодой быстро вскочил, побежал в кусты.

Каменского славно позабавили и в то же время удивили его казаки: «Какая сила в них живёт, какое мужество, величие. Да! С ними нестрашно даже в чёртовом пекле оказаться». Он встал, улыбнулся, поблагодарил за тепло и чудесный чай. Тут же строго приказал всем ложиться спать. Запахнув офицерский плащ, отправился спать сам. Впереди ждали серьёзные дела.

– Ну что, казаки, давай ложиться, – обратился к товарищам Григорий Кожа, – командир у нас строгий и правильный, надо слушать его. Просто так он ничего не говорит. С ранней зарёй нас опять поднимут на дело.

– А то! Чай, России служим, а не басурманам. Сам Кутузов с нами. Он с виду старичок, а так дело знает, хитёр вояка, – молвил рябой казак Силантий Лиходед.

Укладываясь на ночлег, продолжил:

– Сам Александр Васильевич Суворов его уважал, опирался на него в трудный час.

– Недаром царь-батюшка его назначил сюда. Видимо, непорядок здесь завёлся, – сказал Тимофей Кручёный, казак кряжистый, в бою свирепый, с отметиной на щеке от сабли шляхтича.

– Ничего, Кутузов разберётся. Каждому место своё укажет. Мудрый! Да и мы не в седле деланные, поможем, – ответил Силантий.

Так, переговариваясь меж собой, они укладывались на ночлег, подкладывая под себя колкую солому, покрывая её попоной или рогожей. Укрывались шинелями. Под голову клали сёдла. Так потихоньку утихомирились. Через мгновение ночную тишину нарушил стойкий храп уснувших казаков. Не спал только караул, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

С первыми отсветами утренней зари лагерь зашевелился. Умывшись, поев хлеба с салом, попив согретого ночным караулом чаю, стали готовить сытых, отдохнувших за ночь коней.

Накинули сёдла, затянули подпруги, подвязали нехитрый походный личный скарб и оружие. Кроме того, каждый нёс ответственность за общественное имущество: кто за порох, кто за пули, кто за точило, кто за казну, кто за инструмент для подковывания копыт... и прочее, без чего не могли обойтись казаки в дальнем походе. Построившись в походный порядок, стали ждать прихода командира.

Тот не заставил себя долго ждать. Вышел из хаты – чисто выбритый, подтянутый, выпавшийся, с начищенными до блеска сапогами, весь какой-то щеголеватый, будто не в голой южной степи, а на смотре в Петербурге на Сенатской площади. Вот только заплаты в офицерском плаще от вражеских пуль да рваных следов от ударов турецких кривых сабель немного портили фактуру. А так ничего, вид геройский.

Майор подошёл к коню. Погладил холку. Достал кусочек колотого сахара, покрытый налипшим карманным мусором, протянул на раскрытой ладони. Конь осторожно взял тёплыми губами лакомство, несколько раз кивнул головой – благодарил хозяина.

Командир согнул левую ногу в колене. Денщик привычным движением подхватил её, посадил офицера вверх. Тот мигом оказался в седле. Вдев ступни в стремя, благодарно глянул на молодого денщика. Приподнявшись над седлом, дал сигнал сотникам приблизиться к нему.

Разъяснил каждому задачу, указал направление движения отряда. Отправил вперёд разъезд во главе с Григорием. Другому сотнику приказал прикрывать тыл во время движения колонны. Дал команду трогаться. Сам, отъехав в сторону, дабы не показаться сентиментальным, тайком перекрестился, взял под козырёк, гордо подняв подбородок. Он вглядывался в каждого, пытаясь запомнить их лица.

Трижды перекрестившись широким знаменем, казаки тронулись в дальний поход. Невольно выпрямлялись в седле, закручивали усы, выпускали чубы, принимали степенный вид. Чувствовали глубокий взгляд офицера. Держа строй, придерживали ретивых отдохнувших коней, желали выглядеть в глазах майора достойно. С другой стороны, хотели поддержать командира. Весь вид их, геройский, говорил: «Не сумлевайся, отец родной, выдержим любое лихо, не сдадим».

Каменский дождался замыкающих. Поправил треуголку, потянул повод, развернулся в сторону движения колонны. Пришпоренный конь резво понёс седока в начало отряда. Заняв своё место во главе кавалькады, они влились в размеренный общий ритм движения.

Глава 4

С уходом отряда Каменского, с первыми лучами весеннего восходящего утреннего солнца зашевелился основной гарнизон кавалькады главнокомандующего. Мылись егеря, сербские и русские гусары, приводили себя в порядок пехотные полки, гренадёры, артиллеристы. Чистила коней прославленная в боях конница. Кашевары, установив над жаркими углями ёмкие медные казаны, лили в них колодезную воду для каши и чая. Вскипев, она выплёскивала пенные брызги на красные угли. Кашевары, работая большими деревянными черпаками, убрали из казанов пену и налетевшую мошкату с пеплом. Когда в сосудах осталась только чистая кипящая вода, засыпали крупу, не переставая при этом интенсивно помешивать, чтобы крупа не закопчалась. Всыпали соли. Помешав, стали пробовать. Добавили по черпачку смальца, со шкварками.

Застывший топленый жир из свиного сала и мелких кусочков мяса.

Старшие казаки, попробовав, одобрили. Добавили из кадки ещё пару половников топленого свиного жира, сушёной приправы и духовитых трав. Потом всыпали нашинкованного репчатого лука и мелко накрошенного местного овечьего сыра. Через мгновение каша захлопала ленивыми пузырями.

Кашевары, работая до седьмого пота, усердно мешали деревянными лопатами варево. Не дай бог пригорит! Достанется всем тогда на орехи. А если уследят, то и похвал будет немало, глядишь, кто и чаркой благодарно угостит. Хотя это редко случается. Всё больше с матюгами чёртову мать кашеваров поминают. Сегодня с утра на чарку им рассчитывать не приходится. Каша нынче с утра без мяса будет. А кто за такую чарку поднесёт? Мясо, дай боже, в обеденное время и в вечерю будет. И то – если время на готовку дадут.

Залив водой угли под казанами, в которых чай будет, остановили кипение. Хотя какой там чай? Так, травы сушёные полевые добавят, липовый цвет всыпят или сухой смородиновый лист, накроют холстом, чтобы запарилось как следует, в округе духовито становится. Вот офицерам чай положен. Но им денщики готовят отдельно. Ещё кофею мудрёно варят. Дух от него по всей округе разносится, но солдатики этот дух плохо переносят. Носы воротят. Табачком спасаются. Закурят трубки – и довольны. Все благородные запахи дымом из трубок перебивают. Хорошо.

Сегодня утренняя каша удалась, хоть и без мяса. Ничего, салом припасённым подкормились. Теперь сытно.

Зачерпнув кружками духовитого травяного чая, добавили мёду, оставили малость остудиться. Достали трубки, набили табачком, раскурили от угольков. Сделав по пару затяжек, отхлебнули чая из кружки и так прихлёбывали, пока трубка не загаснет. Быстро допив остатки чая, ополоснув посуду и убрав в солдатскую котомку, бежали до ветру.

В нужники ходили редко, всё делали в кустах. Хотя офицеры крепко ругались за это безобразие, могли и по скуле крепко дать, но на воздухе лучше, душевней как-то, чем в походных вонючих отхожих местах.

Прерывисто запел рожок. Созывали унтер-офицеров. Видимо, передышка закончилась, пора в дорогу, командующего сопровождать в город Бухарест.

Наиболее опытные достали оружие, взялись чистить, протирать замки, щёлкать курками. Вчера прежде, чем лечь спать, они проделали с личным оружием всё в точности так, как и сейчас. Но что делать, очень много зависит от него, а самое главное – жизнь. Сколько голов полегло зазря от лени. Проверяли пороховые бумажные патроны в сумках – не отсырели ли от утренней росы, на месте ли пули?

Протерев для порядка шомполами стволы, заглянули внутрь, ловили узким отверстием отблески от света костра. Убедившись, что всё чисто, скусили зубами конец патрона, опустили

в ствол. Отправили следом пулю, потом пыж. Всё вогнали глубоко внутрь, к курковому замку, шомполом. Как следует уплотнили. Вернули шомпол на место. Осталось взвести курок, вставить в запальник капсуль – и можно стрелять. Но это по команде. А так, в походном положении, для безопасности лучше без капсуля.

За ними тянулась молодёжь. Не совсем умело проделывали всё точь-в-точь, как старшие. Во всяком случае старались, следуя их примеру.

То же проделывали гренадёры, драгуны, уланы. Никому не доверяли своё оружие сербские гусары, сами точили сабли, перезаряжали дорогие, подаренные отцами пистолеты.

Держась особняком, точили свои шашки казаки. Между делом, на зависть молодым и слегка заносчивым гусарам, залихватски крутили шашки, перехватывая на лету из правой руки в левую. Жонглировали, заносили за спину, крутили вокруг себя.

Крутить так свои сабли, снабжённые защитными гардами, было несподручно, но возможно. Шашки имели другую конструкцию. Без защиты руки, но с отбойниками в начале рукояти, с внушительным набалдашником и выемкой для упора руки в заднике, они как раз и позволяли легко перекидывать мастерски клинок из одной руки в другую. Для этого требовались постоянные упражнения, что казаки с удовольствием проделывали, удивляя своим искусством невольных наблюдателей.

С возвращением унтеров все художества разом прекратились. По команде убрав оружие, оседлали коней, стали строиться в походную колонну. Через мгновение всё было готово к дальнейшему движению.

Как только затрубили горнисты, кавалькада командующего тронулась в путь.

К удивлению привычных ко всему рядовых вояк, в колонне оказалось две кареты: в которой находился командующий армией – было не понятно. Шторки в каретах были плотно прикрыты.

Проехав вёрст двадцать, одна из карет отклонилась от общего маршрута и через версту скрылась, свернув по просёлочной дороге влево. За ней свернули гусары и небольшое подразделение казаков. Ещё через версту отклонились от маршрута егеря на телегах и часть полковых артиллеристов с парой пушек и припасами. Они так же скоро потерялись из вида, свернув по просёлочной, еле видимой в траве дороге.

Но никто не проявил к этим манёврам никакого интереса. Дело военное. Так, видимо, надо. Кавалькада продолжала двигаться по своему маршруту, к городу Бухаресту.

Переправа через речку Кагул не потребовала много времени. Видимо, предыдущие переправы в этом месте русских войск явились хорошим уроком, в дислокациях были указаны прямые рекомендации по организации переправы через неё. Сапёры заранее приготовили материалы для изготовления надёжных мостков для преодоления болотистых берегов. Заранее были заготовлены понтонные настилы, по которым спокойно, без эксцессов были переправлены войска и даже тяжёлые обозы с артиллерийскими зарядами и пушками, не говоря об обозах с провиантом, питьевой водой и прочим войсковым имуществом.

Но впереди их ждала ещё одна переправа через реку Прут, с беспокойным течением мутных вод, стекающих с Карпатских гор, ещё покрытых в это время слежавшимся тающим снегом.

Глава 5

После пустых Буджакских степей природный ландшафт стал меняться. Появились лёгкие лесные массивы с редкими елями и соснами, наряженные в сочную зелёную хвою, но больше вдоль дороги и на холмах высились пирамидальные тополя и размашистые, с толстыми стволами софоры. Всё чаще стали встречаться огромные дубы и такие родные русскому человеку берёзы. Они ещё были без листвы, но обильно набухшие почки давали знать, что скоро придёт тепло. Всё-таки ещё ранняя весна стояла, но солнце днём уже грело с душой, даже пот порой пробивал. Но это, скорей, от быстрого продвижения колонны по пересечённой местности, усеянной скалистыми холмами, болотистыми оврагами, заросшими кипарисами. В низинах было много прошлогоднего сухого камыша, кустарниковых акаций и тёрна: чуть зазеваешься и окажешься в их цепких ветвях, усеянных длинными колючками. Выбраться из них стоило труда и крови от глубоких царапин. Иногда буквально из-под конских копыт выскакивали испуганные беременные кабаньи самки. С трудом передвигаясь, они пытались бежать от неожиданной напасти, спасая своё ещё не родившееся потомство. На помощь им спешили разъярённые секачи. Удар их клыков мог сильно повредить лошадь. Попав в такую неожиданную передрагу, седоки стали сторониться таких низин, пытались объехать их по краю вокруг. И то правда – времени много не сэкономишь, а хлопот ненужных обретёшь.

От такой дороги наступала усталость, тем более что время перевалило далеко за обед.

Понимая ситуацию, командиры дали сигнал к привалу. Расседлали коней. Пустили пасться молодой сочной травой. Пить пока не давали. Пусть остынут от тяжёлого перехода. Пораненных колючими шипами акаций заботливо смазывали пахучими мазями.

«Так было всегда, – про себя размышляли усатые вояки, – сначала внимание коню, потом оружию и амуниции, а только потом и о себе можно позаботиться». Но на себя времени не всегда остаётся. Зачастую приходится в седле испить водицы, съесть краюху хлеба с луком и салом. Отцы-командиры спешат, торопятся. Сами не всегда успевают поесть, всё за картами шепчутся, раздумывают, на солнышко поглядывают, хмурятся на наступающие облака. Как бы дождь или другое ненастье в пути не захватило. Места чужие, от России-матушки далёкие, закордонные. Нужно быть настороже.

Но в этот раз отдохнуть подольше дали. Заслужили солдатики, не подвели. Вон сколько вёрст преодолели без передыха. Молодцы все. Особо ответственные офицеры прошлись по бивуакам, благодарно похлопали по уставшим плечам старых вояк, молодых потрепали по стриженным макушкам, поддержали добрым словом. Для многих из них это был первый дальний поход. Кашеварам разрешили вскипятить чаю, а пока для придания бодрости приказали выдать по чарке водки и вскрыть бочонок солонины. Солдатики с удовольствием натёрли солёное мясо чесноком, нарезали его небольшими кусками. Выпив заслуженную чарку, с удовольствием заедали пахучей сочной солёной свининой. Но какой бы ни был привал, он всегда кончался неожиданно. И правильно – разомлев, тяжелей было бы подняться.

После сигнала к продолжению движения все быстро оправились, запрягли отдохнувших и пощипавших вдоволь молодой травы коней, направились занимать своё место в колонне. Вот только Кутузова что-то не видели. Из кареты за время привала так никто и не вышел.

По команде кавалькада бодро двинулась вперёд.

Проехав на двадцать вёрст, карета с главнокомандующим свернула с просёлочной дороги к югу, увлекая за собой по еле заметной наезженной ранее дороге казачью сотню и десятка два оседлых егерей, вооружённых тяжёлыми фузеями и солдатскими палашами, не считая пристёгнутых к поясному ремню штыков. Споро двигаясь, скрылись из зоны видимости основной колонны. Вскоре впереди заблестело русло реки.

Высланная вперёд разведка, изучив спуск к реке, вскоре вернулась. Есаул доложил офицерам рекогносцировку и промеры глубин. А это была река Прут, с быстрым течением ледяной воды, неожиданно возникающими опасными водоворотами.

Предстояла нелёгкая переправа, с множеством вопросов о её безопасном преодолении.

Из кареты главнокомандующего никто не выходил, только в какой-то момент пошевелилась штора. Изнутри за действиями конвоя внимательно наблюдали, но не вмешивались.

Получив инструкции, казачий разъезд, разделившись, ускакал. Остальные спешили, полезли в вещевые мешки. Достали инструменты, топоры с короткими рукоятями, разобранные лучковые пилы. Раздевшись по пояс, благо погода позволяла, собрали пилы, отправились в редколесье. Оглядев деревья, выбрали нужные, стали рубить, распиливать на брёвна. Через некоторое время вернулись разъезды, вместе с ними десятка два местных мужиков на телегах, гружённых пиломатериалами, со своими привычными для них инструментами – прочными верёвками, коваными железными скобами, гвоздями и прочим материалом. Не теряя времени, взялись за работу по изготовлению переправы.

Зоркий егерский дозор заметил на противоположном пологом берегу шевеление сухого камыша. Кто-то за их действиями внимательно наблюдал. Егеря стрелять не стали, но проявили беспокойство. Дали понять, что обнаружили недружеское наблюдение.

Быстро соорудили небольшую пороховую ракету. Подожгли запал, пустили. Сухой камыш на том пологом берегу сначала задымил, потом занялся огнём. Наблюдатели беспорядочно, не скрываясь, ретировались прочь. Противоположный берег обширно заволокло серым дымом.

Майор одобрительно пригладил усы. Пока есть дымовая завеса – хорошо бы переправиться. Всё меньше глаз будет за ними наблюдать. Неприятель где-то рядом и следит за нами. Что-то замышляют. Хотя всё и так понятно: им нужен Кутузов.

Каменский, а это был он, понимал, что они вступают в зону военных действий.

Переправа была организована сапёрами должным образом. За исключением некоторых моментов, когда деревянные понтоны не могли выдержать быстрый поток. Тем не менее всё было вовремя исправлено без нанесения серьёзного ущерба имуществу кавалькады.

Хотя некоторые продовольственные грузы были подмочены.

Глава 6

Турецкие лазутчики, после их обнаружения, бросились прочь от реки по болотистой пересечённой местности к своим стреноженным коням, укрытым в густом перелеске за сухим полем камышей. Задыхаясь дымом подождённого гяурами сухого прошлогоднего камыша, они растреножили встревоженных от едкого дыма коней, вскочили в сёдла, бросились быстрым галопом прочь, спасаясь от огня и дыма.

Они спешили к Дунаю, там скрывались разведчики сипагов⁴. Сам верховный визирь Ахмет-паша отправил их отряд с заданием – выследить кавалькаду русского генерала Кутузова, пленить его или уничтожить. Он был опытным воином, недавно назначен русским царём Александром I главнокомандующим Молдавской армией, поэтому очень опасен для турок. К тому же французы проявили очень большое беспокойство по поводу этого назначения. Прибывший военный атташе Анжели пообещал за голову Кутузова крупное денежное вознаграждение золотом от самого Наполеона. Вот и старались сипаги. Деньги всем нужны.

Вечером в сумерках уставшие разведчики прибыли к лесу на берегу Дуная. Стараясь быть незамеченными, они, не привлекая к себе внимания, узнанные охраной, спешили, тихо подошли к шатру чорбаджи, их командиру.

Командир турецких разведчиков выслушал доклад усталых лазутчиков. Задал несколько вопросов. Говорил он, соблюдая осторожность, вполголоса.

– Кач инсан гяурда сиз гёрдююс? – поинтересовался количеством увиденных ими солдат у русских гяуров.

Потом спросил о количестве коней, имеющегося оружия и его типах.

– Гёрдююсь мю бююк тюфек, пушкасы? Кач бегирь вар? – задал последний вопрос разведчикам чорбаджи о наличии у русских крупнокалиберных ружей и пушек.

Получив отрицательный ответ, отпустил лазутчиков отдыхать.

Отдав честь командиру, почтительно склонились перед ним и, пятаясь, вышли из командирского шатра на воздух. Переведя дух, смахнули пот со лба. Тихо отправились к своему походному солдатскому шатру.

Через пару минут, упав в загодя заготовленное и устеленное в шатре сено, они дружно захрапели в крепком сне.

Перед рассветом караул, по команде чорбаджи, не производя шума, поднял отряд. Через час, наскоро поев и совершив утренний намаз, разведчики привычно оседлали коней. Ждали выхода командира. Его конь, приготовленный к походу заботливым оруженосцем (или селихдаром по ранжиру турецкой армии), нетерпеливо перебирал копытами у входа в шатёр. Пожилой, но ещё крепкий сипаг с трудом удерживал её. Через минуту, решительно откинув шерстяную полу входа, вышел чорбаджи. В чёрной накидке и такой же чёрной чалме, с кривой саблей в ножнах, с двумя пистолетами за поясом и кинжалом он ступил на заботливо подставленное колено оруженосца, ловко оседлал лошадь. Приняв поводья, махнул зажатой в руке камчой, подал команду и указал направление движения.

Сначала медленно, потом, выехав из лесных зарослей в степь, перешли в быстрый галоп. Удалившись от лагеря, дабы не утомить преждевременно коней, перешли на спорую рысь.

К полудню добрались до поймы Прута. У перелеска спешились. Устроили привал.

Чорбаджи безмолвно дал знак, подзывая к себе старших вполголоса (в степи каждый посторонний звук разносился далеко), стал разьяснять обстановку, выдавая задание каждому звену. Внимательно слушая командира, разведчики согласно кивали головой, давая понять, что поставленную задачу поняли.

⁴ *Sinag* – всадник. Сипаги – тяжёлая конница в турецкой армии.

Через некоторое время, напоив коней, наскоро перекусив лепёшками, отправились исполнять полученные поручения чорбаджи. Все они касались вопроса разведки и рекогносцировки местности их нахождения, а самое главное – обнаружения кавалькады русского генерала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.